

Радеев Артем Евгеньевич

ПРОБЛЕМА СТРОЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основной вопрос статьи - возможно ли рассмотреть эстетический опыт как процесс, состоящий из последовательных моментов? Для ответа на этот вопрос предлагается выделить три момента эстетического опыта - эстетическое отношение, эстетическое событие и эстетический эффект. Определяется круг аксиом, на основе которых строится эта модель, и раскрываются особенности каждого из названных моментов. Автор делает вывод, что обращение к вопросу о строении эстетического опыта позволяет раскрыть новые вопросы в эстетической теории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 177-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. 347 с.
6. Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVII века и реформа Петра Великого. Изд-е 2-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. 688 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 6.
8. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12.
10. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М.: Квадрига; МБА, 2011. 656 с.

EVOLUTION OF THE SYSTEM TO CONTROL URBAN CORPORATIONS OF COSSACKS “BY GOVERNMENTAL RECRUITMENT” OF THE XVII CENTURY IN MOSCOW STATE

Puchina Tat'yana Anatol'evna, Ph. D. in History
Moscow University of Finance and Law (MFUA)
tat1472@yandex.ru

The article examines certain aspects of organizing military service “by governmental recruitment” in Moscow State in the XVII century. Among the variety of services “by governmental recruitment” the author focuses on the poorly investigated in the Russian historiography problems of organizing and functioning of “monarchic Cossack service”. Relying on documentary materials from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts the paper summarizes new data on the peculiarities of controlling urban service class corporations.

Key words and phrases: regimental service; service class “by governmental recruitment”; regimental Cossacks; urban Streltsy; Streltsy and Cossack head; voivode; Streltsy Department; Moscow State.

УДК 18+7.011

Философские науки

Основной вопрос статьи – возможно ли рассмотреть эстетический опыт как процесс, состоящий из последовательных моментов? Для ответа на этот вопрос предлагается выделить три момента эстетического опыта – эстетическое отношение, эстетическое событие и эстетический эффект. Определяется круг аксиом, на основе которых строится эта модель, и раскрываются особенности каждого из названных моментов. Автор делает вывод, что обращение к вопросу о строении эстетического опыта позволяет раскрыть новые вопросы в эстетической теории.

Ключевые слова и фразы: эстетический опыт; эстетическое отношение; эстетическое событие; эстетический эффект; аксиоматика.

Радеев Артем Евгеньевич, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
artem_radeew@mail.ru

ПРОБЛЕМА СТРОЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Постановка проблемы

Современное состояние историко-теоретических исследований позволяет усомниться в том, что возможно придерживаться разделения на теорию и историю: всякая теория явно или скрыто «паразитирует» на каких-либо предшествующих концепциях, а историческое рассмотрение какого-либо предмета неизбежно подразумевает теоретические основания, осознанно или неосознанно принимаемые историком.

Ровно с этой же невозможностью разделения на теорию и историю встречается и эстетика: с одной стороны, собственно теоретические построения неизбежно обречены на то, чтобы каждый раз вскрывать те или иные исторические аллюзии на вводимые понятия и проблемы; с другой – историко-эстетические исследования по необходимости подразумевают какую-либо теоретико-эстетическую модель, на основании которой и выстраивается исторический анализ.

Тем не менее, возможно допустить, что разделение на теорию и историю все же имеет свои основания. Обоснование этого потребовало бы отдельного историко-теоретического экскурса в сторону вопроса о том, что такое т.н. «Большая теория» для эстетики, на чем покоится ее основание и каким образом она относится к современности. Поэтому приходится лишь принять в качестве допущения, что все же возможно какое-либо теоретическое решение проблемы в современной эстетике, не сотканное из нитей историко-эстетических вопросов, но имеющее их в виду.

В свете этого я хотел бы в данной работе поставить теоретический вопрос о том, какие моменты в строении эстетического опыта возможно выделить. Для этого я рассмотрю, какие основания для того, чтобы была возможность говорить о теоретическом решении этого вопроса, имеются, разберу основные аксиомы, лежащие в основе вопроса о строении, определю основную гипотезу и разверну ее в виде теоретического построения.

Разрешение этого вопроса позволит во многом разобраться в возможностях понимания самого эстетического опыта, т.е. в проблеме, которая преследует многие современные теоретические эстетические построения. Кроме того, если вопрос о строении эстетического опыта поставлен корректно, а ответ на него обладает последовательностью и адекватностью самому же вопросу, это может послужить основанием для новых вопросов и ответов в эстетической теории.

Аксиомы и гипотеза строения эстетического опыта

Прежде чем предложить теоретический (а не историко-эстетический) ответ на вопрос о строении эстетического опыта, следует обратить внимание на различие, согласно которому не всякое *построение* имеет право именоваться *теорией*. Слишком часто можно услышать, как кто-то утверждает, что у него есть «теория» относительно того или иного вопроса, в то время как на самом деле имеется в виду лишь какое-либо построение. Построение имеет право именоваться теорией, если имеются три в равной мере представленных условия: (а) имеется ряд допущений (аксиом), отчетливо данных в построении; (б) имеется гипотеза (или их ряд), связанная с допущениями; (в) имеется последовательное разворачивание построения, связанное с гипотезой. Мы можем утверждать, что у нас есть какая-либо теория, если мы в равной мере понимаем допущения, которые позволяют этой теории состояться, если мы выдвигаем гипотезу, лежащую в основе теории, и если мы можем последовательно развернуть какое-либо построение относительно выдвинутой гипотезы.

В том, что касается допущений, то, несомненно, вопрос о строении эстетического опыта подразумевает как минимум три аксиомы, без которых вопрос о строении невозможен:

1) аксиома существования эстетического опыта: подразумевается в качестве самоочевидного, что имеется такой вид опыта, который несводим ни к опыту познания, ни к опыту эмоциональных состояний и который обладает определенным набором специфических черт, позволяющих отличить его от других форм опыта;

2) аксиома возможности анализа эстетического опыта: подразумевается в качестве несомненного, что имеются в этом опыте те моменты, которые доступны анализу, и что имеется в распоряжении тот инструментарий, который позволяет этот анализ осуществить;

3) аксиома необходимости анализа эстетического опыта: подразумевается как самоочевидное, что анализ эстетического опыта может что-либо дать как самой эстетической теории, так и тому, что выходит за ее пределы, что в ходе анализа эстетического опыта может раскрыться что-то, что никаким иным образом быть раскрыто не может.

Возможно, существуют и иные аксиомы для аналитики эстетического опыта, но именно эти три – о самом существовании, о возможности его анализа и о необходимости анализа – составляют минимальный набор допущений, чтобы какая-либо аналитика эстетического опыта могла состояться.

Что же касается гипотезы, то в отношении строения она состоит в том, что эстетический опыт следует понимать не как нечто одномоментное, однажды случаемое и крайне неуловимое, а как процесс, в ходе которого складываются определенные моменты. Эта гипотеза противостоит утверждениям, что эстетический опыт сводим, например, к эстетическому удовольствию, или что его отличительной характеристикой является, например, незаинтересованность. Напротив, в основе выдвигаемой гипотезы содержится предположение, что эстетический опыт значительно богаче тех или иных отдельных его моментов, и что он и есть опыт последовательного складывания всех его моментов.

Что же это за моменты? Ранее уже отмечалось, что в истории современной эстетики есть ряд концепций, рассматривающих те или иные варианты строения эстетического опыта [3]. Учитывая, но не основывая рассуждения на предшествующих концепциях, выдвину в качестве предположения, что в эстетическом опыте следует выделять три последовательных момента, каждый из которых обладает чертами, отличными от других моментов. Эти три момента – эстетическое отношение, эстетическое событие и эстетический эффект.

Каждому из этих моментов уделялось свое внимание в истории эстетики: об эстетическом отношении разворачивались бурные дискуссии в англо-американской эстетике (см.: [4]), а также в работах отечественных эстетиков в виде обсуждения того, что такое «эстетическое отношение к действительности» (см.: [2]); об эстетическом событии как особом состоянии, позволяющем иначе отнестись к окружающей действительности, много говорится в т.н. «философии присутствия», одним из главных адептов которой является Х. У. Гумберхт [1]; наконец, об эстетическом эффекте в отношении того или иного вида искусства говорится во многих литературоведческих и музыковедческих исследованиях. Но все же следует признать, что цельного представления о моментах эстетического опыта в этих работах нет, поэтому они не могут быть положены в основу выдвинутой гипотезы. Тем не менее, среди современных исследований следует иметь в виду работу американского эстетика М. Митиаса «Что делает опыт эстетическим?», в которой дано цельное представление о многообразии форм эстетического опыта. Здесь представлена развернутая модель соотношения эстетического опыта и эстетического отношения, раскрывается роль единства в эстетическом опыте, определяется статус эстетического объекта. Однако работа М. Митиаса также не может быть основой для данного исследования, поскольку американский эстетик исходит из представления, что «всякое осмысленное обсуждение того, что такое эстетическое, должно начинаться с анализа эстетического качества» [5, р. 107], при этом эстетическое качество, по мнению Митиаса, тесно связывается с эстетической ценностью. Между тем то, насколько эстетический опыт связан с ценностями и не следует ли, вопреки сложившейся традиции, рассматривать мир эстетических ценностей не как центральное, а как периферийное из всего, что имеет место в пределах опыта, должно быть не основой исследования, а его предметом.

Итак, если выдвигать гипотезу, что эстетический опыт представляет собою процесс из трех последовательных моментов, то можно развернуть эту гипотезу, не столько обращая внимание на ее исторические коннотации, сколько следуя последовательному теоретическому ее раскрытию.

Разворачивание гипотезы относительно строения эстетического опыта

Эстетический опыт складывается, во-первых, потому, что в его основе находится *эстетическое отношение* к форме многообразного.

Мы говорим о том, что эстетический опыт складывается в отношении чего-либо, если в этом опыте дано нечто многообразное (например, многообразие цвета и линий облаков). У этого многообразия нет никакого порядка (одни линии облаков беспорядочно сочетаются с другими, одна цветовая гамма без какого бы то ни было условия накладывается на другую). У этого многообразия в эстетическом опыте нет никакого отношения к реальности объекта: для того, чтобы начал складываться эстетический опыт, не столь уж и важно, действительно ли мы воспринимаем облака на небе или это нам показалось, для опыта важно наличие самих данных в их многообразии, а не то, что является основой этих данных.

К этому многообразию складывается эстетическое отношение, которое строится на том, что из многообразного *выхватывается* то одно, то другое, и из выхваченного примечается та или иная форма (например, одни линии облаков сочетаются с другими так, что можно выделить в этом сочетании определенный порядок, и цветовая гамма облаков создает, например, своеобразное чередование светлого и темного). Из многообразного выхватывается форма именно потому, что имело место нечто примечательное в чувственном многообразии. При этом примечательное несложно отличить от привлекательного: в первом случае лишь подразумевается, что возможна та или иная форма многообразного, во втором же случае подразумевается конкретное качество, на основании знания о котором что-либо становится привлекательным. Если мы говорим о привлекательных ценах или привлекательном лице, то в том и другом случае подразумевается, что имеется определенное качество, которое представляется чем-либо положительным (дешевизна цен, изящество лица), наличие которого и вызывает отношение привлекательности. Если же мы говорим о примечательном событии или виде из окна, то в обоих случаях имеется в виду, что из того многообразного, что связано с событием или видом из окна, может образоваться особая форма (например, событие примечательно тем, что мы можем усмотреть в нем связь с другими событиями, вид из окна примечателен тем, что мы можем разглядеть в нем нечто особенное).

Итак, первым моментом эстетического опыта является эстетическое отношение, в основе которого лежит выхватывание формы из многообразия чувственных данных. В самом простом смысле эстетический опыт к облакам на небе – это опыт выхватывания формы из многообразного на основе того, что что-либо в этом многообразном стало примечательным.

Однако, как уже отмечалось, примечательное имеет дело не с самой формой, а с ее возможностью, т.е. эстетическое отношение – это перебор возможностей выхватывания формы из многообразного: за одним выхваченным (одним порядком линий облаков или их комбинации цвета) следует другое, за другим – третье. Если бы эстетический опыт строился исключительно на эстетическом отношении, то он предстал бы как перебор возможностей, как дурная бесконечность примечательного. Именно поэтому можно говорить о том, что в примечательном должно быть единство, т.е. в эстетическом опыте имеет место не только перебор возможностей одной и другой формы (без какой бы то ни было определенности), но и процесс формирования единства в эстетическом опыте. Именно этим и является *эстетическое событие*. Мы говорим, что нечто стало эстетическим событием, если перебор его возможностей привел к формированию единства (например, уже не столько выхватываются те или иные формы контура облаков, сколько формируется единый рисунок этого контура, и не столько цветовая гамма облаков уходит в бесконечность выхватывания то одного цветового оттенка, то другого, сколько формируется единая, пусть и сложная, цветовая гамма облаков на небе).

Обычно именно эстетическое событие имеют в виду, когда описывают эстетический опыт, когда говорят, что нечто в эстетическом опыте «произошло», или что определенный опыт «случился». В то же время то единство, которое характеризует эстетическое событие, крайне сложно уловить, поскольку в основе этого единства – форма многообразного. Тем не менее, понять, что такое эстетическое событие, можно, если обратить внимание на то, что эстетическое отношение и эстетическое событие имеют дело с формой, но в разных смыслах.

В самом деле, чтобы сложилось эстетическое событие, должно быть нечто большее, чем выхватывание формы многообразного – должно иметь место удержание единства выхваченного. И если эстетическое отношение складывается как выхватывание формы многообразного, то эстетическое событие складывается как *схватывание* этой формы, т.е. как удержание в единстве. Эстетический опыт к облакам на небе складывается как выхватывание формы многообразного – линий и цвета облаков, т.е. как эстетическое отношение; но если это выхватывание приводит к схватыванию, т.е. удержанию в единстве формы многообразного этих линий и цветовой гаммы, то мы имеем дело с эстетическим событием. В первом случае – с выхватыванием формы многообразного, во втором – со схватыванием; в первом случае мы имеем дело с перебиранием возможностей той или иной выхваченной формы, во втором – с удержанием единства выхваченного. И если придавать понятию эстетического события строгость, если не понимать его просто как «случай» или «происшествие» и если рассматривать эстетическое событие как один из моментов опыта, то под ним следует понимать схватывание формы чувственно многообразного. Облака на небе становятся эстетическим событием, если, во-первых, дано чувственно многообразное в отношении этих облаков, если, во-вторых, из этого чувственно многообразного выхватывается форма, и если, в-третьих, эта форма схватывается, т.е. удерживается в единстве.

Однако эстетическое событие, если оно действительно сложилось, не проходит бесследно: эстетическое событие непременно оставляет осадок. Этот осадок является *эстетическим эффектом*.

Если эстетическое отношение складывается на основании выхватывания из многообразного его формы, а эстетическое событие складывается на основании схватывания, т.е. удержания единства формы многообразного, то эстетический эффект действует, скорее, как *захватывание*, если под последним понимать осадок от события, т.е. удержание единства схваченного. Чтобы сложился эстетический эффект от облаков, должно иметь место выхватывание тех или иных линий, затем должно иметь место их схватывание; наконец, захватывание этими линиями вызывает эстетический эффект от облаков. Эстетический эффект – это не просто эстетическое событие, взятое, в свою очередь, как единство; эстетический эффект отличает степень испытывания. Если же допустить, что возможно выделить две крайних степени (наименьшая и наибольшая), то и эстетический эффект не является нейтральным, а склоняется к той или иной степени. Иначе говоря, осадок потому и остается как осадок и не спутывается с иными формами опыта, что не оставляет испытывающего события в состоянии равнодушия.

Это эстетическое равнодушие может выражаться в различных формах – удовольствие или неудовольствие, наслаждение или отторжение, но оно в любом случае захватывает испытывающего этот опыт, оно выражает ту или иную степень интенсивности, и оно приводит эстетический опыт к его завершению. Если сложился осадок от события, и этот осадок стал эстетическим эффектом, то и эстетический опыт в отношении того многообразного, к которому сложилось эстетическое отношение, завершился. Как только мы оказываемся захваченными чем-либо, так тут же эстетический опыт в отношении захваченного приходит к своей кульминации.

Таким образом, именно потому, что эстетический опыт – это процесс, его можно рассмотреть как три последовательных момента: эстетическое отношение, отличительной чертой которого является захватывание, эстетическое событие, отличающееся схватыванием, и эстетический эффект, характеризуемый захватыванием. Эффект потому и складывается, что в основе его лежит отношение и событие; событие потому и складывается, что в его основе лежит отношение; отношение потому и складывается, что было дано многообразное, по отношению к которому образовывалась форма. Эстетический опыт – это не какая-то случайность, которая выпадает на нашу долю, а определенный путь, по которому необходимо пройти, чтобы опыт действительно сложился.

Выводы

Безусловно, предложенная гипотеза оставляет открытыми множество вопросов как внутреннего (т.е. основанного на самой гипотезе), так и внешнего (т.е. основанного на том, что гипотезой не охвачено) характера. Так, к внутренним вопросам можно отнести следующие: являются ли три момента эстетического опыта последовательными во времени или же они могут быть даны одновременно; действительно ли исчерпывается эстетический опыт тремя моментами; какова природа завершения эстетического опыта? Ко внешним вопросам можно отнести такие: каково основание эстетического опыта, что его следует понимать как чувственный опыт формы многообразного; каково место эстетической оценки, эстетических категорий в пределах строения эстетического опыта; на каком основании исключается вопрос об эстетическом объекте из анализа эстетического опыта?

Вместе с тем полагаю, что если рассматривать эстетический опыт с точки зрения его строения, то можно усмотреть ряд новых проблем в теории и истории эстетики. Так, можно точнее определить проблему эстетического отношения в том виде, как она развивалась в истории эстетики: не спор о том, является ли та или иная черта отличительной для эстетического отношения, а вопрос о том, как и почему соотносится эстетическое отношение и эстетический опыт, составляет основу для развития представлений об эстетическом отношении. Точно так же не представление о неуловимости эстетического события, а рассмотрение его связи с моментами эстетического опыта позволяет раскрыть в эстетическом событии черты, внимание к которым продвигает эстетическую теорию далее. Наконец, не сведение эстетического опыта к удовольствию или неудовольствию, а определение места эстетического эффекта в опыте уточняет многообразие форм его проявления, открывая возможности для дальнейших изучений в области истории и теории эстетики.

Все это позволяет заключить, что в области эстетики еще много проблем, рассмотрение которых возможно под углом собственно теоретических исследований, не сведенных к историко-эстетическому ракурсу – каким бы наивным само разделение на историю и теорию ни казалось.

Список литературы

1. Гумберхт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
2. Радеев А. Е. Казус «эстетического отношения к действительности» в отечественной эстетике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (68). Ч. 1. С. 160-164.
3. Радеев А. Е. Проблема строения эстетического опыта: исторический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 152-156.
4. Dziemidok B. Controversy about Aesthetic Attitude: Does Aesthetic Attitude Condition Aesthetic Experience? // Possibility of the Aesthetic Experience / ed. by M. H. Mitias. Martinus Nijhoff Philosophy Library, 1986. P. 139-158.
5. Mitias M. H. What Makes an Experience Aesthetic? Amsterdam: Rodopi, 1988. 158 p.

PROBLEM OF ESTHETIC EXPERIENCE STRUCTURE: THEORETICAL ASPECT

Radeev Artem Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg University
artem_radeew@mail.ru

The basic problem of the article – is it possible to consider esthetic experience as a process consisting from sequential stages? To answer this question the author proposes to distinguish three stages of esthetic experience – esthetic attitude, esthetic event and esthetic effect. The paper identifies axioms, on which this model is based, and describes the peculiarities of each of the mentioned stages. The researcher concludes that addressing the problem of esthetic experience structure allows discovering new aspects of esthetic theory.

Key words and phrases: esthetic experience; esthetic attitude; esthetic event; esthetic effect; axiomatics.

УДК 7.01

Философские науки

В статье автором сделана попытка философского осмысления хореографических традиций башкир через исследование многомерной творческой деятельности знаменитого балетмейстера Ф. Гаскарова, создавшего историю, канон башкирского народного танца. Художественно обобщив и развив уникальные элементы танцевального искусства башкир, он создал галерею бесценных образов национальной хореографии, которые легли в основу репертуара Государственного академического ансамбля народного танца Республики Башкортостан, стали его художественным лицом.

Ключевые слова и фразы: культ природы; картина мира; сущность; форма; эстетическая концепция; аксиология; этническая самоидентификация; традиционная эстетика.

Рахматуллина Зилья Нурмухаметовна, к. филос. н.
Башкирский государственный университет
zilrah@yandex.ru

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ БАШКИР
ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО Ф. ГАСКАРОВА**

Традиционно танец принято изучать в рамках искусствоведения и культурологии, в последнее время появились работы, посвященные философскому осмыслению данной проблемы и касающиеся отдельных аспектов танцевального бытия. Народный танец представляет собой не только свод знаний в области мифологии, этнографии, а является реальной моделью воспроизводства духовных, психоэмоциональных, морально-нравственных сил народа, частью бессознательно-чувственного, субъективно-эмоционального и интенционального опыта, обретенного им на протяжении всей этнической истории. У каждого народа свои танцы с присущими им хореографическими фразами и уникальной национальной манерой исполнения. Танцы башкир очень своеобразны и точны по рисунку, они изначально театральны, в них обязательно присутствует сюжет: трагический, комический, героический или бытовой, порой он вырастает до уровня новеллы, поэмы или даже повести. В башкирских танцах больше, чем у других, ощущается культ природы, в них отражается поклонение языческим богам. Гений Файзи Гаскарова познавал в хаосе первобытных стихий, в анимистических и тотемистических воззрениях народа совершенные и приближенные к идеалу композиции национальной хореографии. Танцевальное искусство башкир обусловлено характером их труда и быта, в хореографии нашли отражение особенности образа жизни народа. В мужских танцах прослеживается полетность, устремленность ввысь: руки танцора или высоко вскинута в стороны вверх, или вытянута перед собой. Данные позы могли возникнуть в древности из подражания (мимесиса) действиям лихого наездника: скачкам, понуканию коня, подражание аллюру, подергиванию поводьев. Академик И. Лепехин в XVIII в. наглядно описал башкирский воинский танец: старый танцор, изображавший сцены сражений батыров с врагами, оказывал большое психологическое воздействие на зрителей, некоторые из них не могли сдерживать слез. Нередко исполнителями пластического повествования выступали выдающиеся личности: прославленные воины, смелые удачливые охотники. Хореографическое искусство башкир издревле выполняло аксиологическую функцию и создавало общественно значимые ценности. В прошлом пляски с инсценированием боя, джигитовки, охоты исполнялись большим количеством людей, при кочевом и полукочевом образе бытия народа они играли огромную роль в деле физического воспитания подрастающего поколения, закаляли его в нравственном плане и морально готовили к суровым жизненным условиям. Популярностью в начале прошедшего века пользовались танцы «Перовский», «Охотник», «Тимербай», в них часто можно